

Распространение чтения художественной литературы среди народа и формирование национальной идентичности в России (1870-е – 1917)*

Хадзимэ КАИДЗАВА

Введение

Цель настоящей статьи — рассмотреть процесс распространения в России чтения художественной литературы среди народа с 1870-х по 1910-е годы и показать на этом материале, какое значение придавалось литературе в ходе этого процесса. При этом особое внимание уделяется роли литературы в формировании национальной идентичности в народной среде через распространение чтения.

В обсуждаемый нами период имел место ряд важнейших явлений, прямо или косвенно касающихся нашей темы: нарастание новых читательских масс, быстрый рост спроса на книги и появление дешевых массовых изданий, канонизация академическим литературоведением русской национальной литературной классики, введение новейшей русской литературы в учебную программу средних учебных заведений, широкая популярность и быстрое распространение произведений русских писателей-классиков во всей Западной Европе и т.д. Все эти явления, на наш взгляд, были взаимосвязаны

---

* Настоящая работа осуществлена при поддержке JSPS Grants-in-Aid for Scientific Research за 2006 г. (Category “С”, No. 17520210).

друг с другом, и только в результате таких сложных взаимодействий русская литература могла стать важнейшим фактором для формирования русской национальной идентичности. Различные попытки распространения грамотности и чтения среди народа, а также быстрое развитие массовых изданий литературы тоже можно считать составными частями этого всеобщего процесса.

Как хорошо известно, в России обсуждение вопроса о распространении грамотности и чтения среди сельского и городского населения приобрело особую остроту в пореформенное время, и начиная с 70-х годов для его решения проводились самые разнообразные мероприятия со стороны земств, различных правительственных, церковных и светских организаций, а также частных лиц: устройство разного рода начальных школ, в том числе частных домашних и воскресных школ для простых людей, создание народных библиотек, читален и книжных складов, проведение публичных чтений, издание дешевых книг специально для народа, сбор материалов и проведение исследований о грамотности и читающей публике среди народа и т.п.

При рассмотрении таких разнородных видов деятельности по распространению грамотности и чтения нас особенно интересует тот факт, что во многих случаях чуть ли не самое значительное место отводилось в них русской художественной литературе. Деятели, занимавшиеся обучением народа грамоте и чтению, часто находили в произведениях русской литературы самые подходящие материалы для своих целей и делали все, чтобы простые люди из народа читали шедевры русских классиков XIX века. Многие из этих деятелей считали, что русская художественная литература, в особенности классики XIX века, являются самым необходимым и полезным средством для умственного и нравственного развития народа. Они были уверены в том, что чтение русских классиков не только воспитывает в народе эстетический вкус, но и возбуждает в нем интерес к русской жизни, гражданское и национальное самосознание.

Здесь мы сталкиваемся со следующими вопросами: по каким причинам и каким образом русская художественная литература

могла считаться идеальным материалом для воспитания народа и выдвигалась на передний план в деле обучения народа грамотности и чтению, почему русским писателям-классикам XIX века придавалось столь важное и решающее значение, в чем именно виделась роль этих писателей в распространении чтения среди народных масс.

Исследователи истории чтения в России уже не раз пытались дать ответ на эти вопросы. Причину идеализации русской литературной классики они видели главным образом в авторитарном стремлении интеллигенции навязать свои культурные ценности низшему сословию или в желании образованной элиты сделать русскую литературу XIX века новым всенародным и общедоступным основанием для создания и укрепления национальной идентичности взамен самодержавия и православия, в то время уже терявших свою силу в качестве основы для объединения государства и народа.

Такие объяснения, конечно, нельзя считать ошибочными. Но все же такое решение проблемы не вполне удовлетворительно, потому что подобные ответы не объясняют, почему представители образованной элиты выбрали в качестве основы национальной идентичности именно русскую литературу XIX века, а не другие области или жанры. Чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо учитывать и другие факторы, появившиеся как раз в период с 1870-х годов до начала XX века: изменение формы производства и потребления самой литературы, популяризацию литературных произведений и их массовое издание.

Итак, мы приступаем к конкретному рассмотрению процесса распространения грамотности и чтения среди народа, используя материалы о просветительской и исследовательской деятельности в этой области. В первом разделе, рассматривая общий ход процесса в 70-е годы, мы остановимся подробнее на работе педагога Острогорского для выяснения его взглядов на особую роль литературы в народном воспитании. Во втором разделе будут рассмотрены важнейшие для нашей темы события 80-х годов: появление книги Алчевской, создание издательства «Посредник» и др. Здесь мы кос-

немся также доклада Маракуева, ярко освещающего атмосферу того времени. В следующем, третьем, разделе обсуждаются работы таких видных исследователей народной книги 90-х и последующих годов, как Пругавин, Рубакин, Ан-ский (Раппопорт), показывающие, какие большие перемены происходили в то время в отношениях между народом и литературой. В последнем разделе мнения некоторых историков о роли русской литературы в распространении народного чтения будут пересмотрены с точки зрения изменения формы производства и потребления самой литературы.

1. 70-е годы: Место русской художественной литературы в распространении народного чтения у В.П. Острогорского.

Как уже отмечено выше, в России вопрос о распространении грамотности и чтения среди народа начал привлекать особое внимание широкой публики с 1860-х годов, т.е. во время реформы. Уже в 1861 году в Москве было основано Общество распространения полезных книг, а в Санкт-Петербурге был создан Комитет грамотности при Вольном экономическом обществе. В том же году Достоевским была написана заметка «Книга и грамотность», а Л. Толстой сделал первую попытку издать специальную брошюру для народа. За год до этого И. Тургенев уже составил свой проект программы по распространению грамотности и начального образования. В течение 60-х годов продолжались многочисленные попытки создания частных школ грамотности в деревнях, издания книг для народных масс. О том, как велико было в то время стремление дать народу грамотность и книги можно судить, например, по тому факту, что в 1869 году Министерство народного просвещения организовало Особый отдел при Научном комитете с целью предотвратить распространение вредных книг среди народа.¹

---

1 Об этом подробнее см.: *Блум А.* Система правительственной регламентации круга народного чтения во второй половине XIX в. // *Книжное дело в России во второй половине XIX–начале XX вв.* Сборник научных трудов. Л., 1983. С. 129 и

Разносторонние попытки распространять среди народа грамотность и чтение приобретали в 70-е и 80-е годы все больший размах. Деятельность народников по просвещению народа, усилия земств и других организаций по созданию народных библиотек, школ грамотности, книжных складов и т.п. дали толчок к быстрому улучшению ситуации вокруг народного чтения. Так, в 1872 году с целью знакомства читателей из народа с произведениями лучших писателей России по инициативе членов Вольного экономического общества было создано специальное издательство «Народные издания», которое, по мнению известного исследователя народного читателя С.А. Ан-ского (Раппопорта), являлось первой попыткой предоставить народу художественные произведения интеллигенции.² Два года спустя Московский Комитет грамотности тоже начал выпускать книги для народа, а Обществом распространения полезных книг в Москве была создана постоянная комиссия по организации народных чтений.

Ввиду такого быстрого развития ситуации вокруг проблемы распространения книг в народе царское правительство в свою очередь вынуждено было принять меры, чтобы еще строже контролировать доступ народа к книгам. В декабре 1876 года были обнаружены «Правила об устройстве народных чтений в губернских городах», а в сентябре 1878 года при участии министерств государственных имуществ, внутренних дел, юстиции, народного просвещения и других правительственных органов было созвано «Особое совещание по вопросу об издании книг для народного чтения», которое, «единогласно признавая существенную пользу от распространения дешевых изданий», считало необходимым принять меры «с целью ограждения его [народа – Х.К.] от влияния злонамеренной пропаганды».³

далее.

2 *Ан-ский С.А.* Очерки народной литературы. СПб., 1894. С. 59.

3 *Кельнер В.* Правительственные издания для народа и их читатель в годы второй революционной ситуации // Чтение в дореволюционной России. Сборник научных трудов. М., 1992. С. 68.

Как раз в том же 1878 году вышла книга, представляющая собой ценный материал для понимания роли классиков русской литературы в распространении грамотности и чтения среди народных масс, — «Систематический обзор русской народно-учебной литературы». Составленная по поручению С.-Петербургского Комитета грамотности, эта книга явилась одной из самых ранних попыток показать в виде библиографии свод полезных для народного чтения печатных изданий, вышедших в то время в России. Издание «Систематического обзора» было вызвано тем, что наблюдался «быстрый рост народно-учебной литературы» и развивалась «потребность школы» в такой литературе.⁴ Во втором разделе этой книги, посвященном библиографическому описанию книг по грамматике и литературе, особенно четко отражены взгляды, типичные для деятелей того времени, занимающихся распространением грамотности и чтения. Редактор раздела В.П. Острогорский, учитель словесности, активный деятель воскресной народной школы и член Комитета грамотности, был хорошо известен своими выступлениями за ознакомление учащихся народной школы с новейшей русской литературой.

В «руководящих статьях», помещенных в начале раздела, автор (в статьях не указано его имя, но, судя по всему, это сам Острогорский) неоднократно подчеркивает особое значение художественной литературы в воспитании детей и изучении языка, высоко оценивает и рекомендует хрестоматии, в которых имеется много образцов из художественных произведений, и исходя из этой позиции критикует, например, известную хрестоматию Ушинского «Детский мир» из-за малого количества таких образцов. Он даже утверждает, что учитель народной школы должен иметь литературное образование, так как «произведения художественные наглядно показывают нам, как и

---

4 Краткий обзор деятельности состоящего при Императорском вольном экономическом обществе Комитета грамотности за время от 1861 по 1894 год. СПб., 1895. С. 12; С.-Петербургский комитет грамотности, состоящий при Императорском вольном экономическом обществе. (1861–1881) / Сост. С. Миропольский. СПб., 1881. С. 11.

почему известным образом живет человек, или, что то же, объясняют нам жизнь»,⁵ и «[т]аким образом литературное образование, с одной стороны, примерами объясняет нам внутреннюю, частную жизнь самых различных людей, а с другой — развивает нас *эстетически*, т.е. воспитывает понятие красоты, добра и истины [...]».⁶ По мнению автора, народный учитель является «миссионером», который не только распространяет знания, но должен «сеять семя самых первых начал добра и истин» в народе и этим «должен стараться по мере своих сил очеловечить» его, а «[э]то-то очеловечение и совершится, во-первых, путем самого обучения народа, а во-вторых, путем чтений и бесед в школе по возможности, на посиделках и в народных чайных и читальнях, повсеместное распространение которых является у нас делом настоятельной необходимости».⁷

Из приведенных здесь примеров очевидно, что автор (т.е. Острогорский) видит в художественной литературе большую воздействующую силу, способную повлиять на формирование человеческих чувств. Для него художественные произведения были крайне необходимы народной школе не потому, что их можно просто использовать как практическое пособие для обучения грамоте и чтению, а потому, что такие произведения своей эстетической силой могут глубоко воздействовать на душу народа и способствуют развитию у него этического, нравственного и эстетического чувства.

При этом наше внимание особенно привлекает тот факт, что здесь Острогорский пытается связать эту мощную эстетическую силу художественной литературы не только с развитием человеческих чувств, но и с пробуждением национального сознания: «Осмыслив посредством чтения жизнь крестьянина в отношении его к Богу и к семье, следует остановиться и на отношениях его к сельскому обществу, к “миру”, в котором он является членом и интересы

---

5 Систематический обзор русской народно-учебной литературы. СПб., 1878. С. 175.

6 Там же. С. 176.

7 Там же. С. 176–177.

которого, по самому предоставленному ему правительством праву, он должен хранить и защищать. Отсюда уже естествен переход к уважению к закону, и, наконец, к понятию о целом отечестве, родине, которую нужно любить и, в случае нужды, защищать до последней капли крови».⁸ Само собой разумеется, что, указывая на немало-важную роль чтения художественных произведений в укреплении и осознании национального чувства, Острогорский имел в виду именно классиков русской литературы, в частности, таких знаменитых русских писателей XIX века, как Пушкин, Гоголь, Лермонтов. Он пишет: «Последний [народный учитель – Х.К.] должен быть основательно знаком с произведениями величайших гениев нашей литературы: Пушкиным, Гоголем и Лермонтовым, [...] которые полагают основу литературного образования для всякого русского, тем более того, кто хочет быть, как учитель, просветителем народа».⁹

Таким образом, согласно Острогорскому чтение художественных произведений русских писателей XIX века имело важное значение для обучения грамотности в народной школе и в то же время было тесно связано с развитием у учащихся национального сознания и чувства родины, отечества. На наш взгляд, такое понимание роли русской литературы в обучении народа, высказанное видным представителем Комитета грамотности, отнюдь не может считаться случайностью или исключением, потому что немного позже, в 80-е годы, значение русских писателей XIX века для распространения грамотности и чтения среди народа было уже широко признано многими деятелями. Одно из центральных мест в дискуссии вокруг этой проблемы занимали вопросы о том, каким путем можно привлечь внимание народа к шедеврам русских классиков XIX века, какие произведения русской литературы больше подходят народным массам, какими способами и в каком виде снабжать народ этими произведениями, давать ли народу специально для него написанные или переделанные художественные произведения или же лучше да-

---

8 Там же. С. 185.

9 Там же. С. 180.

вать их в подлиннике. В следующей главе мы рассмотрим деятельность по изучению и распространению народного чтения в 80-е годы и взгляды важнейших представителей этого движения на значение русской литературы.

2. 80-е годы как поворотный пункт. Споры о доступности художественной литературы для народа. Деятельность и взгляды Х.Д. Алчевской и В.Н. Маракуева.

В распространении грамотности и книг в народной среде 80-е годы стали во многих отношениях поворотным пунктом. В качестве знаменательных событий этого периода можно назвать опубликование в 1884 году учительницами Харьковской народной воскресной школы во главе с Х.Д. Алчевской первого тома «Что читать народу?» и создание в том же году издательства «Посредник» с участием Л.Н. Толстого и знаменитого издателя И.Д. Сытина, которое ставило себе целью издавать книги для народа по дешевым ценам и хорошего качества.

Особенно ценный материал представляет собой книга Алчевской, в которой помещено огромное количество записей, собранных учительницами во время классного чтения книг и бесед о них с учениками. Она считается первой в России попыткой изучения читателей из народа на основе непосредственных данных.¹⁰ Сразу после выхода книги «Что читать народу?» были получены многочисленные отзывы деятелей народного образования, в основном одобрительные. Например, Н. Шелгунов пишет: «Когда в 1884 г. вышел первый том *Что читать народу* (увесистая книга в 50 листов), то в умах наших интеллигентных людей как бы почувствовалось маленькое землетрясение. *Вся* печать и даже некоторые из наших почетных и уважаемых ученых отнеслись к изданию харьков-

---

10 См.: Коган В. Из истории изучения читателей в дореволюционной России // Проблемы социологии печати. Вып. 1. Новосибирск, 1969. С. 37.

ских учительниц чуть ли не с восторгом».¹¹

Таким образом, эта книга оказала большое воздействие на дальнейший ход распространения чтения среди народа. В следующем 1885 году руководимый Д.И. Шаховским студенческий кружок Санкт-Петербургского университета обнародовал первую в истории России программу по изучению читателей из народа, а в Москве была открыта первая бесплатная народная читальня — Библиотека им. И.С. Тургенева. В 1886 году редакция «Посредника» выпустила два вопросника по изучению читателей с просьбой присылать в редакцию ответы. Через год публицист народнического направления А.С. Пругавин опубликовал в журнале «Русская мысль» свою «Программу для собирания сведений о том, что читает народ и как он относится к школе и книге». В том же 1887 году впервые в Петербурге были устроены две бесплатные народные читальни. А в начале этого года истек срок действия авторских прав А.С. Пушкина, и собрание его сочинений, подготовленное издателем А.С. Сувориным по дешевой цене, через час после появления в продаже было распродано. В общем, только в этом году было выпущено около полутора миллионов экземпляров сочинений Пушкина, и, по предположению Ан-ского, большинство из них попало в руки читателей из народа.¹² В 1888 году начала работать вторая в Москве бесплатная народная читальня, а редакция журнала «Русская мысль» стала выпускать книги для народа. В 1889 году был издан второй том книги «Что читать народу?», а на парижской международной выставке Алчевской была присуждена премия за ее издание. В том же году известный книговед и видный деятель народного просвещения Н.А. Рубакин выпустил на страницах журнала «Русское богатство» «Опыт программы для исследования литературы для народа».

---

11 Шелгунов Н. Очерки русской жизни // Русская мысль. 1890. Кн. 10. С. 211. Конечно, были и критики этой работы, например, Водовозов, Ан-ский и сам Шелгунов.

12 Ан-ский. Очерки народной литературы. С. 13. Также см.: Пругавин А.С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения. М., 1890. С. 195–197.

В книгах по исследованию народного читателя Ан-ский не раз подчеркивает значение 80-х годов как поворотного пункта в деле распространения народного чтения, справедливо отмечается, что особенность 70-х и 80-х годов заключается в стремлении распространять в народе чтение «интеллигентской» литературы. По его мнению, до этого времени литература интеллигенции считалась недоступной или просто непонятной, ненужной народу. Например, Добролюбов и Писарев утверждали, что ни Пушкину, ни Лермонтову нет места в народном мировоззрении. Хотя в 70-е годы уже раздавались голоса (например, Острогорского) о большом значении русских писателей XIX века в деле воспитания народа, все же ни Михайловский, ни Скабичевский не признавали возможности внедрить русскую литературу в народную среду.¹³

В то время среди грамотного народа особой популярностью пользовалась так называемая лубочная литература, которая по рыночно-коммерческому характеру ее производства и потребления, по ее сугубо массово-развлекательному содержанию казалась образованным людям не только не подходящей, но даже вредной для воспитания народа. Широко проводившиеся споры о том, что лучше дать народу, художественные произведения в оригинале или литературу, специально написанную для народа, возникли именно из желания защитить простых людей от вредного влияния лубочной литературы. Но все попытки деятелей земств, народников и других представителей образованного мира заменить лубочную литературу другими видами книг, в том числе и произведениями русских писателей-классиков XIX века, до 80-х годов не имели успеха.

Однако в 80-е годы, в особенности после появления книги Алчевской «Что читать народу?» и создания издательства «Посредник», ситуация коренным образом изменилась. Книга Алчевской на основе наглядных примеров прямо показала, что учащиеся из крестьянских семей в самом деле вполне могут понять таких писателей, как

---

13 См.: *Ан-ский*. Очерки народной литературы. С. 65, 75–80; *Ан-ский С.А.* Народ и книга. (Опыт характеристики народного читателя). М., 1914. С. 11–18, 30.

Пушкин, Гоголь, Толстой и даже Достоевский. Изданиям «Посредника», в которые были включены произведения Толстого, также удалось проникнуть в народ и это стало первым в России примером появления первоклассного писателя в качестве конкурента на рынке народной книги.¹⁴

Приведем пример классного чтения из «Что читать народу?». Вот каким образом шло чтение «Муму» Тургенева в сельской школе: «Все внимание детей было приковано с первых страниц исключительно к Герасиму и Муму; слушали, по-видимому, с огромным интересом, но высказывались мало: деревенские дети вообще молчаливы. Зато, когда пришлось передавать содержание, они передавали его поистине поразительно. Не было опущено ни малейшей подробности; можно было подумать, что они учили его наизусть». После чтения с учениками велась беседа о содержании рассказа: «*Вопрос 1-й.* Как вы думаете, давно ли это случилось? — Я думаю, давно, когда крепостные, отвечал один из мальчиков. А почему ты так думаешь? — Потому что она его с дороги вернуть хотела, а вольного не воротить! *Вопрос 2-й.* Как же бы мог поступить вольный человек? — Он бы и сам ушел, и собаку унес, отвечал один. — Он бы мог судиться, заметил другой. — За собаку-то? Да ведь он сам ее утопил, добавил печально третий. — А я думаю, что это было после крепостных прав, вмешался Бондаренко».¹⁵ Некоторые исследователи истории изучения читателя даже считают, что Алчевская сознательно выдвинула классическую литературу на передний план, чтобы доказать доступность классиков крестьянскому читателю.¹⁶

---

14 Jeffrey Brooks, *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985), p. 337. Также см.: Некрасова Е. Народные книги для чтения в их 25-летней борьбе с лубочными изданиями // Северный вестник. 1889. № 7. С. 11.

15 Что читать народу. СПб., 1884. С. 57, 59.

16 См.: Лекаренко Д.М. Из истории изучения читателя в дореволюционной России. Х.Д. Алчевская // Труды Московского государственного библиотечного института. М., 1938. С. 106; Банк Б.В. Изучение читателей в России. XIX век. М., 1969. С.

После выхода книги Алчевской, где было приведено множество подобных записей, преобладающим стало мнение, что народу вполне доступны произведения классиков русской литературы и, следовательно, не нужна специально для него написанная литература. Эта точка зрения в основном встретила широкую поддержку у видных исследователей и распространителей народного чтения, таких как Е. Некрасова, В. Девель, В. Маракуев, Рубакин, Пругавин и др., хотя, конечно, существовали, в особенности среди народников, и те, кто настаивал, как Ан-ский, на необходимости специальной литературы для народа и кто относился к работе Алчевской с сомнением.

Например, Е. Некрасова, известная деятельница женского образования, считала, что произведения русских классиков должны быть несомненно полезными для народа. Она писала: «Что может лучше воспитать и развить художественный вкус народа, как не великие произведения родных поэтов».¹⁷ Но гораздо ярче и решительнее такой взгляд на русскую классическую литературу выразил в 80-е годы В.Н. Маракуев, издатель, книготорговец и энергичный деятель распространения народного чтения, по инициативе которого в 1882 году было основано издательство «Народная библиотека». В своем публичном выступлении «Что читал и читает русский народ», сделанном 9-го сентября 1884 года в Политехническом музее в Москве, Маракуев, высказывая свое идеализированное представление о народе, стремится связать его прямо с ценностью классиков русской литературы:

«Народ в своих воззрениях — истинный реалист и для него дело важнее слова, но в этих делах он всегда умел различить те дела, ко-

---

99–109. По указанию историка Ярослава Грыцака, выбор материалов, помещенных в книгах Алчевской, нельзя считать объективным. Такие материалы были часто произвольно выбраны или переделаны для того, чтобы доказать способность народа понять художественную литературу. Мы хотим выразить глубокую благодарность г-ну Грыцаку за ценное указание.

17 *Некрасова*. Народные книги для чтения в их 25-летней борьбе с лубочными изданиями. С. 7.

торые есть результат истинной вечной мудрости, от тех дел, которые есть результат мудрости “мудрых мира сего”, мудрости данной цивилизации. [...]

Истинно *гениальна* *Иллиада*, но она есть создание народа. Русская литература являет истинное величие истинной красоты и мудрости в таких представителях, как Нестор, который свою летопись в большинстве случаев вел прямо со слов народа.

Простота и величие Пушкина в его последних произведениях, как по языку, так и по мысли, есть возвращение к простоте и величию этого древнего народного слова.¹⁸

По его мнению, гениальные произведения русских классиков уже настолько тесно и непосредственно связаны с «гением-народом», что в народной литературе вообще нет никакой нужды: «Ложное нашей современной народной литературы, всех наших народников (создавших так называемую народную, конечно, для нас, литературу последнего времени) есть предвзятое, не непосредственное, тенденциозное отношение к народу».¹⁹ Отсюда следует, что «надо мужика, деревенщину, признать за человека, которому доступно все».²⁰ В целом взгляд Маракуева основывается на идеализации народа и крайне наивной вере в его способность к полному пониманию классиков художественной литературы. Но все же подобное убеждение в приемлемости произведений русских классиков для народа оказывало известное влияние на многих исследователей и распространителей грамотности и чтения среди народа. В большей или меньшей степени это убеждение разделялось ими также в 90-е и последующие годы. Правда, в это время писатели-классики стали доступными для народа уже по другим причинам.

---

18 Маракуев В.Н. Что читал и читает русский народ. М., 1886. С. 12.

19 Там же. С. 15.

20 Там же. С. 37.

3. 90-е и последующие годы. Исследования Пругавина, Рубакина, Ан-ского о народном читателе. Появление читательских масс вместо «народа» и превращение художественных произведений в массовые издания.

После выхода в свет книги Алчевской, считающейся первой в России попыткой исследования народных читателей, в 90-х годах начали одна за другой появляться заслуживающие внимания работы видных авторов по изучению народного чтения: «Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения» (1890) А.С. Пругавина, «Этюды о русской читающей публике» (1895) Н.А. Рубакина, «Очерки народной литературы» (1894) и «Народ и книга (Опыт характеристики народного читателя)» (1914) С.А. Ан-ского и т.п.

Многие авторы, кроме радикального народника и сторонника специальной народной литературы Ан-ского, выступают в принципе за то, что народу вполне доступна литература интеллигенции. Например, в «Этюдах о русской читающей публике» Рубакин недвусмысленно пишет, что «народу нужны не народные книги, а дешевые, потому что он бедняк, а не дурак», и, критикуя точку зрения Ан-ского, предупреждает от смешения народной литературы с «литературой детской».²¹ А Пругавин, не совсем одобряя работу Алчевской, но все же имея в виду быстрый рост интереса народа к таким авторам, как Л. Толстой, Пушкин и др., подчеркивает необходимость предоставления народу возможности читать хорошие и полезные книги.²² Он пишет: «При издании книг художественного характера, главным образом, необходимо стремиться доставить народу возможность приобретать за доступную цену произведения всех наших лучших писателей-художников».²³ В.В. Девель, педагог

---

21 Рубакин Н.А. Этюды о русской читающей публике. СПб., 1895. С. 142–143.

22 Пругавин. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения. С. 195–201.

23 Там же. С. 256.

и деятель Санкт-Петербургского комитета грамотности, в отчете о городских и сельских библиотеках и читальнях для народа также отмечает, что в народных библиотеках «[п]еределки русских и иностранных писателей читаются мало»,²⁴ «рассказы и повести, изданные специально для народа, читателям более начитанным начинают, так сказать, набивать оскомину. Против таких книжек появляются попытки протеста, местами даже отказываются брать такие брошюры».²⁵ Как пишет Ан-ский в своей книге, вышедшей в 1894 году, «[в] течение последнего десятилетия, как мы видели, почти все писатели о народной литературе единогласно и категорически признали литературу общества доступной, нужной и вполне пригодной деревне и ни разу не упомянули ни о статьях Толстого, ни о мнении Добролюбова, Михайловского, Скабичевского и др. по этому вопросу».²⁶

Это, однако, вовсе не означает, что авторы таких работ были склонны, как Маракуев, к идеализации народа. Книги Пругавина и Рубакина которые были опубликованы в 1887 и 1889 годах были результатом тщательного исследования материалов и фактических данных, собранных по программам для изучения народного читателя. Можно предположить, что в основе их взглядов лежал сравнительно объективный анализ и более или менее основанное на конкретных фактах понимание ситуации вокруг народного чтения. Чтобы понять, почему они считали, что художественная литература вполне доступна народу, надо обратить внимание прежде всего на следующие факты. Во-первых, уже с 80-х годов, в особенности же это стало очевидно в 90-е и последующие годы, само понятие «народа» быстро теряло свою актуальность и постепенно становилось несостоятельным из-за раздробления его на различные слои и группы, в результате чего становилось труднее говорить о «народной» литера-

---

24 Девель В.В. Городские и сельские библиотеки и читальни для народа, по сведениям Петербургского комитета грамотности. СПб., 1892. С. 9.

25 Там же. С. 58.

26 Ан-ский. Очерки народной литературы. С. 90.

туре в целом. Во-вторых, резкий рост спроса на художественные произведения классиков со стороны малообразованных читательских масс, популяризация произведений писателей-классиков и их превращение в дешевые массовые издания, обращающиеся на рынках народных книг, делали границу между художественной и народной литературами довольно неясной и смешанной. Это делало фактически бессмысленным деление читателей на две взаимоисключающие категории.

В упомянутых выше работах Острогорского и Маракуева мы не находим ясного определения слова «народ». У них это слово только смутно означало необразованные и в основном неграмотные массы, в большинстве случаев из крестьянской среды. Даже для Алчевской, видимо, не существовало надобности спросить себя, что есть «народ», прежде чем задуматься над вопросом, «что читать народу». Но в конце 80-х годов, при разработке своей «Программы для исследования литературы для народа», Рубакину пришлось столкнуться с этим вопросом. В программе он сам говорит о неопределенности и неясности понятия «литература для народа» и старается решить этот вопрос, включая в «народ» не только крестьян, но и всех тех, у кого образование ниже среднего, тем самым значительно расширяя это понятие.²⁷ Неопределенность слова «народ» составляет существенную проблему и для Ан-ского. Бывшие крепостные крестьяне, после освобождения ушедшие из деревни, в конце 80-х–начале 90-х годов уже постепенно начинали образовывать другую социальную группу городских рабочих низов, приобретали грамотность и начинали читать художественные произведения. Поэтому, на взгляд Ан-ского, говорить о них на одном уровне с исконно сельскими жителями было невозможно. Для решения этого вопроса Ан-ский пошел в противоположном направлении: он ограничил понятие «народ» только крестьянами и определил «народную литературу» как литературу исключительно для сельских простолюдинов.²⁸

---

27 Рубакин Н.А. Опыт программы для исследования литературы для народа. СПб., 1889. С. 286, 292.

28 Ан-ский. Очерки народной литературы. С. 13–14.

Очевидно, за такими противоположными решениями о понятии «народ» у Рубакина и Ан-ского стоит общая ситуация того времени: расслоение народных читательских масс на несколько отдельных групп, затруднявшее определение «народа» как некоего единого целого. Появление новых читательских групп из простых людей уже чувствовалось, во второй половине 80-х годов, когда книги издательства «Посредник» начали пользоваться широкой популярностью среди народа. Только в течение 1887 года вышло около полутора миллионов экземпляров различных дешевых изданий Пушкина.²⁹ Но это явление стало особенно заметно именно в 90-е годы. Уже в 1893 году Рубакин, рассматривая статистические материалы о библиотеках, указывал на разделение читательских масс на разные группы.³⁰ В другой, более поздней статье он также отмечает: «Люди, близко стоящие к народу, уже неоднократно констатировали в 1888–1889 гг. появление и нарастание нового типа читателей. Этот последний где-то нарождался, где-то зрел, думая упорно и настоятельно свою собственную думу. Его нарастание стало обнаруживаться с 1889 года. В этом году было напечатано книг уже больше, чем в 1888 г. Цифра экземпляров повысилась до 18.777.891».³¹ Причину появления новых активных читателей он видит в резком росте числа грамотных в городах, особенно среди фабричных рабочих, а сам этот факт очень ярко показывает, что появление нового типа читателей стало возможным именно в результате расслоения народа на различные группы читателей.

Разделение народа на разные группы читателей и рост активной читательской группы, конечно, должно было привести и к быстрому возрастанию спроса на книги. В своих работах Рубакин неодно-

---

29 Пругавин предполагал, что даже эти полтора миллиона экземпляров не покрыли весь спрос на книги Пушкина. См.: *Пругавин*. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения. С. 197.

30 *Рубакин Н.А.* Книжное оскудение. К характеристике читателей из привилегированных классов // *Русское богатство*. 1893. № 12. С. 116.

31 *Рубакин Н.А.* Книжный поток. Факты и цифры из истории книжного дела в России за последние 15 лет // *Русская мысль*. 1903. Кн. 3. С. 6.

кратно говорит об этом. Он утверждает, что «спрос на книги идет даже быстрее развития грамотности» и отсюда заключает, что «[к]ак результат этого спроса (и, в свою очередь, отчасти, как причина его), является масса дешевых изданий на книжном рынке».³²

Это высказывание Рубакина особенно привлекает наше внимание. В самом деле, нарастание нового типа активных читательских масс и быстрый рост спроса на книги в конце XIX века повлияли и на появление на рынке разного рода дешевых массовых изданий художественных произведений русских классиков. Например, уже в 1890 году Пругавин пишет о появлении русских классиков в лубочных изданиях. А Рубакин в одной из своих статей, привлекая внимание читателей к дешевым изданиям русской литературы Сытина, Ранпа, Потапова, Суворина и касаясь в ней также появления в лубочной литературе произведений таких «выдающихся авторов», как Гоголь, Пушкин, Загоскин, Лермонтов, Кольцов, заключает: «За последнее время границы между отделом изданий народных и отделом “лубочных” так сгладились и затушевались, что в огромном большинстве случаев нет никакой возможности мало-малыски безошибочно классифицировать книги по этим двум отделам».³³ К тому же «[с] течением времени не только затушевывается разница между книжками “лубочными” и “дешевыми” — то же самое явление наблюдается и между отделом книг, предназначенных их авторами и издателями “для народа”, и отделом книг “для культурных читателей”. Прежде всего совершенно стерлась такая граница в отделе беллетристики [...]».³⁴

По мнению Рубакина, со все большим нарастанием новых читательских масс и резким ростом спроса на массовые издания в особенности в области беллетристики в России в конце XIX–начале XX века «затушевались» и «стерлись» границы между лубочной и

---

32 Рубакин. Этюды о русской читающей публике. С. 141. Также см.: Рубакин Н.А. Русские читатели и их обстановка // Вестник знания. 1905. № 1. С. 176.

33 Рубакин Н.А. Книжный поток // Русская мысль. 1903. Кн. 12. С. 176–179.

34 Рубакин Н.А. Книжный поток // Русская мысль. 1904. Кн. 6. С. 165.

народной литературой, а также между литературой для народа и элиты. Это означает, что в России того времени произведения художественной литературы становились доступными практически для всех читательских слоев. При этом следует отметить, что по мнению Рубакина это достигалось не столько усилиями деятелей народной литературы или учителей народной школы, пытавшимися поднять народ до уровня художественной литературы, сколько стремлением самой художественной литературы спуститься до уровня дешевых народных изданий, до лубочной литературы.

Это особенно хорошо видно из следующих его слов: «Раздаются голоса о *литературном* оскудении, об упадке влияния лучших произведений лучших авторов на толпу, которая вполне удовлетворяется одним литературным хламом, выбрасываемым ежедневно на улицу в “изрядно большом количестве”. Правы ли эти голоса? Не изменилась ли самая *область* влияния литературы? Не передвинулся ли центр тяжести из одних общественных групп или слоев в другие?»³⁵ Для него история литературы есть история борьбы «за преобладание в читательской среде».³⁶ В этом смысле и классическая литература вполне может стать лубочной или массово-народной или, наоборот, лубочная и массово-народная — классикой. Таким образом, с конца 80-х годов произведения русских писателей-классиков начали быстро и широко проникать в среду массовых читателей в неслыханном масштабе и становились общим достоянием и культурной ценностью для всех читателей России. На наш взгляд, именно этот процесс придает русской литературе XIX века особенно важное значение в формировании национальной идентичности.

---

35 Рубакин. Этюды о русской читающей публике. С. 4.

36 Там же. С. 1.

4. Русская литература как основа новой национальной идентичности. Русская литература как дешевый продукт массового потребления и всенародное достояние.

В начале XX века произведения русской художественной литературы также оставались важнейшим материалом для распространения грамотности и чтения среди простых людей. Например, в своей статье (год издания ее не указан, но, судя по всему, она была написана в 1900-е годы) одна деятельница народной школы, цитируя слова другого учителя, пишет о задачах литературных чтений: «“[...] Данный для чтения материал предлагает уже в готовом виде все, чем может воспользоваться лектор в тех целях, которые определяются общими задачами литературных чтений.” Такими задачами автор считает ознакомление слушателей с коренными основами и началами общечеловеческой нравственной жизни, развитие в них гуманных чувств, эстетического вкуса и специальное знакомство с русской жизнью, пробуждение гражданского чувства».³⁷ Здесь можно увидеть типичный пример использования литературы для пробуждения и осознания национального чувства у учащихся.

Но почему же русская художественная литература считалась столь идеальным материалом для воспитания народа и столь охотно выдвигалась на передний план в обучении народа грамотности и чтению? И вообще, по какой причине русским писателям-классикам XIX века придавалось столь важное и решающее значение, в чем виделась их пригодность для распространения чтения среди народных масс?

Как мы уже упомянули выше, некоторые исследователи истории чтения в России видели основную причину идеализации русской литературной классики главным образом в авторитарном стремлении интеллигенции к навязыванию своих культурных ценностей низшему сословию или в желании образованной элиты сделать русскую литературу XIX века новым всенародным основанием для

---

37 *Реформатская Е.* Чтения и беседы в воскресной школе. Б.м., б.г. С. 48.

создания и укрепления национальной идентичности взамен самодержавия и православия, в то время уже терявших свою силу в качестве основы объединения государства и народа.

Так, в своей статье об истории публичных и народных библиотек поздней царской России Мари Стюарт указывает, что у деятелей библиотечного дела того времени, несмотря на различия их политических взглядов — от умеренного либерализма, народничества до марксизма — можно наблюдать общую тенденцию: «Эта тенденция [...] представляла собой существенно авторитарный импульс навязать низшим слоям населения культурную и социальную модель образованной элиты».³⁸ Исходя из этого, становится понятным то важное место, которое отводилось русской литературе, в частности писателям XIX века, в распространении среди народа грамотности и чтения. Для тогдашней интеллигенции и образованной элиты русская литература XIX века несомненно являлась наиболее ценным достижением элитарной культуры и, следовательно, стремление представителей образованного сословия давать народу для чтения русских классиков можно объяснить как одно из характерных проявлений «авторитарного импульса» культурной элиты — насильственного навязывания народу интеллигентской культуры.

По мнению Д. Брукса, русская литература приобрела столь особую позицию в общественной жизни России того времени именно потому, что образованная элита хотела сделать ее (особенно классиков XIX века) новым всенародным и общедоступным основанием для создания и укрепления национальной идентичности. Он считает, что «понятие нации, хотя оно настойчиво поддерживалось в России конца XIX века, в представлении многих образованных людей [...] было ассоциировано с отсталым политическим режимом, противостоящим их идеалам. Верность царю, идентификация с православной церковью, традиционные эмблемы русской национальности для многих европеизированных русских в течение XIX

---

38 Mary Stuart, “‘The Ennobling Illusion’: The Public Library Movement in Late Imperial Russia,” *The Slavonic and East European Review* 76, no. 3 (July 1998), p. 408.

века стали неприемлемыми в качестве основания гражданственности. Для этих людей национальная идентичность стала второстепенной по сравнению с культурной идентичностью [...], и «таких людей [...] привлекала русская литература как источник национальной гордости». ³⁹ Это можно сказать и о деятелях народной школы: «Большинство образованных активистов разделяло культурную идею национальной идентичности, которая связана с великими произведениями русской литературы. [...] Когда они [педагоги и распространители чтения – Х.К.] подчеркивали важность русской литературы как символа русского, они хотели придать новый смысл национального сознания в качестве альтернативы популярной идентификации с царем и православной церковью». ⁴⁰ «Русская литература XIX века и ее создатели были для учителей чем-то еще большим, чем источник авторитета и материал для воспитания. Для учителей школы чтение литературы являлось вхождением в коллектив национальной идентичности. Им казалось, что они разделяли ее с людьми более привилегированного класса». ⁴¹

Сами по себе эти объяснения вполне можно считать по-своему обоснованными и верными, особенно когда мы смотрим на дело исключительно с точки зрения интеллигенции. Тем не менее, такая постановка и решение проблемы, по нашему мнению, не совсем удовлетворительны для понимания особой роли русской литературы XIX века в распространении чтения среди народа. Дело в том, что такие ответы не объясняют, почему именно писатели-классики XIX века могли претендовать на позицию новой основы общенародной

---

39 Brooks, *When Russia Learned to Read*, pp. 317–318.

40 *Ibid.*, p. 333.

41 Jeffrey Brooks, “Russian Nationalism and Russian Literature: The Canonization of the Classics,” in Ivo Banac et al., eds., *Nation and Ideology: Essays in Honor of Wayne S. Vucinich* (Boulder: East European Monographs, 1981), p. 328; Рейтблат также отмечает, что те, кто ощущал кризис традиционного религиозного мировоззрения, стремились найти ему замену, например, художественную литературу. См.: *Рейтблат А.* Предыстория массового чтения в России (конец XIX–начало XX в.) // Чтение. Проблемы и разработки. Сборник научных трудов. М., 1985. С. 110.

национальной идентичности вместо самодержавия и православия. Нам надо понять, почему представители образованной элиты выбрали именно русскую литературу XIX века, а не другие области или жанры, в качестве общенародной основы для новой русской национальной идентичности.

Как уже было отмечено, необходимо учитывать и другие факторы, появившиеся в то время: изменение формы производства и потребления самой литературы, популяризацию литературных произведений и их массовые издания, имевшие место в России как раз с 1870-х годов до начала XX века. В этом отношении наше внимание особенно привлекают вышеуказанные наблюдения Рубакина. По его мнению, нарастание новых читательских масс и резкий рост спроса на дешевые массовые издания в этот период смывали все границы не только между лубочной и народной литературами, но и между литературой для народа и литературой элиты. По крайней мере в 1890-е и 1900-е годы в России произведения художественной литературы становились доступными уже практически для всех читательских слоев. Фактически это означало, что, как ни старались образованные люди поднять народ до уровня литературы для образованных, это имело не столь большое значение, потому что в то время литература сама постепенно начала спускаться до уровня народной и лубочной, и простонародные читательские массы могли покупать дешевые или даже лубочные издания русских классиков. В самом деле, тогда происходили даже такие случаи: народные учителя часто жаловались, что хорошие произведения, с которыми они хотели ознакомить учащихся, часто было запрещено читать в стенах школы по каталогу Ученого комитета Министерства народного просвещения, но на самом деле простые люди свободно могли покупать их вне школы на книжном рынке по доступной цене.

В России примерно с 1880-х годов до начала XX века произошли большие перемены также и в области литературного вкуса и интереса к писателям. В 1901 году А. Богданович утверждает: «За последнюю четверть века несомненно народился новый читатель, явившийся из тех слоев населения, которые раньше не имели ничего

общего с литературой».⁴² Такой читатель, по его мнению, предпочитает не толстую, а тонкую книгу, которая выходит в большом количестве. В такой ситуации привилегированность и авторитет художественной литературы в чтении теряли свою основу, и художественная литература ставилась в один ряд с другими видами книг.

Нельзя, конечно, слишком преувеличивать значение описанного нами явления, так как в то время в России еще существовала огромная масса безграмотных, остающихся без книг, а авторитарность русской литературы среди интеллигенции также, кажется, еще не подверглась никаким сомнениям. Но все же нельзя забывать, что процесс массового распространения и потребления классики русской литературы среди таких слоев населения, которые раньше ею не интересовались, начался уже в это время. И это несомненно способствовало дальнейшему распространению произведений русских писателей-классиков среди народа и таким образом играло известную роль в налаживании пути к канонизации русской литературной классики как всенародного достояния и национальной ценности.

---

42 *Богданович А.* Критические заметки // Мир Божий. 1901. № 1. С. 3.